**Mark Bassin, Sergey Glebov, Marlene Laruelle, eds.,
Between Europe and Asia, The Origins, Theories,
and Legacies of Russian Eurasianism**

Konstantin Zubkov

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/10054>

DOI : 10.4000/monderusse.10054

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 octobre 2016

Pagination : 990-995

ISBN : 978-2-7132-2542-0

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Konstantin Zubkov, « Mark Bassin, Sergey Glebov, Marlene Laruelle, eds., Between Europe and Asia, The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism », *Cahiers du monde russe* [Онлайн], 57/4 | 2016, Выложить онлайн 01 octobre 2016, Наводить справки в 25 septembre 2020. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/10054> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.10054>

---

6 – À noter une coquille fâcheuse glissée p. xix : Ekaterinoslav est donné comme lieu d'exécution de la famille impériale.

Catherine Depretto
Paris-Sorbonne

Mark BASSIN, Sergey GLEBOV, Marlene LARUELLE, eds.

Between Europe and Asia

The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism

Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2015, 267 p.

Новый коллективный труд о русском евразийстве, подготовленный тремя соредакторами М. Бассином, С. Глебовым и М. Ларюэль – известными специалистами по данной тематике, во всех отношениях обещает стать важной вехой в углубленной историографической разработке проблем, связанных с генезисом, теоретическим содержанием и современным значением евразийства. Несмотря на уже довольно основательную историографическую разработку евразийской темы и даже известный спад научного интереса к ней, соредакторы издания в содержательном Введении, которое само по себе представляет цельный сжатый очерк истории евразийства, смогли показать неисчерпаемость темы, открыть новые аспекты и тематические перспективы в изучении этого многогранного и сложного явления. Возможность нового видения евразийства авторы обосновывают через прочтение его истории преимущественно в русле интеллектуальной истории – в фокусе различных концептуальных проекций и культурно-идеологических контекстов. Такой подход имеет свои очевидные преимущества. Стремление вписать евразийство в широкий интеллектуальный контекст эпохи чрезвычайно расширяет и обогащает поле исследований, придавая евразийскому учению масштаб поистине глобального культурного и политико-идеологического явления. Вместе с тем, при таком подходе крайне затруднительно объединить все анализируемые линии интеллектуальной преемственности, все концептуальные проекции в единое видение евразийства как противоречивой, но все же целостной доктрины. В силу этого, книга, безусловно, требует подготовленного читателя. Непросто определить и форму данного издания. Известная мозаичность сюжетов, взятых для характеристики наиболее ярких черт евразийской доктрины, не позволяет во всех отношениях рассматривать ее как коллективную монографию. Однако монографический принцип в ее содержании все же присутствует, прослеживаясь в единстве замысла и подхода авторов, в хронологически выдержанной последовательности анализа (от истоков евразийского движения к его наследию в современной России) и – самое главное – в той тесной проблемной сопряженности содержания глав, при которой вопросы, поставленные в одной из них, по принципу эстафеты

подхватываются и раскрываются в последующей. Это превращает чтение книги в непрерывное и захватывающее интеллектуальное путешествие.

Глава Ольги Майоровой представляет с совершенно неожиданной стороны публицистическое творчество А.И. Герцена. Пережитый писателем духовно-мировоззренческий кризис, связанный с разочарованием Европой как носительницей революционного прогресса, подвел его в конце жизни к радикальному переосмыслению прежних западнических убеждений, критике европоцентризма и апологии девственного азиатского «варварства» русской народной массы как возможной предпосылки обновления России и всего мира. Однако, вывод автора о Герцене как о прямом предтече евразийства (с. 26), на наш взгляд, страдает некоторым преувеличением, если принимать во внимание существенные пункты расхождений революционного, «народнического» демократизма Герцена и гораздо более консервативного учения евразийства (хотя бы в отношении к государству). Скорее, Герцен представлял собой определенный тип рефлексии, лишь подводящий русскую интеллигенцию к переосмыслению места России в мире и ее исторического призвания, но еще не имевший какой-либо доктринальной определенности.

Сложный контекст формирования евразийства хорошо раскрыт в статье Веры Тольц, которая в русле интеллектуальной истории исследует влияние ведущих представителей русской школы востоковедения на формирование мировоззрения евразийцев. Автору удастся не только проследить персональные связи идеологов евразийства с русскими учеными-востоковедами, но и соотнести научный «ориентализм» с общей атмосферой эпохи, изменяющимися ориентирами в восприятии и оценке цивилизаций Запада и Востока (критика первого и историческая реабилитация второго), что было характерно не только для России, но и для Европы. Вполне убедительны параллели, которые автор проводит между общественными условиями, породившими «ориентализм» конца XIX – начала XX в., и современным постколониальным дискурсом. Именно этой широкий (и неизбежно противоречивый) интеллектуальный фон эпохи помогает автору объяснить не только знаменательные совпадения во взглядах идеологов евразийства и ученых-востоковедов, но и существенные расхождения в их позициях относительно взаимоотношений России и Европы.

В детальном и глубоком исследовании Сергея Глебова проанализированы конкретные обстоятельства создания одной из программных работ евразийства – книги Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», в которой нашел отражение специфический евразийский антиэволюционизм. Реконструируя логику формирования взглядов Н.С. Трубецкого на соотношение «высших» и «низших» цивилизаций, автор показывает, что они испытали серьезное влияние западных и русских социологических теорий, отразили сложный контекст полемики эволюционизма и антиэволюционизма в интеллектуальной жизни России того времени. Тем не менее, заключительный вывод автора, на наш взгляд, оказался несколько беднее развернутого им анализа концепции

Н.С. Трубецкого. Вряд ли объяснение решительного неприятия евразийцами «внутреннего эволюционизма» М.М. Ковалевского и других либерально мыслящих ученых сводимо только к программной задаче, своего рода «социальному заказу» по спасению распадающегося здания Российской империи (с. 67).

Глава, написанная Марлен Ларюэль, открывает тематический блок, который касается стрессовых компонентов евразийского учения, и посвящена анализу географических представлений евразийцев о предустановленном структурно-географическом единстве Евразии как исходной детерминирующей основы, в симбиотической связи с которой формируются особенности ее истории, религии, культуры, политики – как и сама оригинальная научная эпистемология евразийства, связанная с радикальным пересмотром оснований и функций научного знания. Это позволяет автору обоснованно характеризовать евразийство как, прежде всего, «географическую идеологию», влияние которой распространяется не только на евразийскую геополитику, но и на евразийское мировоззрение в целом. Превосходный по емкости и форме изложения очерк вбирает в себя массу сопоставительного материала, содержит вдумчивую критику телеологизма и метафизичности евразийской эпистемологии и, самое существенное, дает целостное представление о теоретическом ядре евразийской доктрины.

Интересная по замыслу статья Стефана Видеркера анализирует еще одну важную грань евразийского мировоззрения – философию и эпистемологию истории – сквозь призму научно-рационалистической критики К. Поппером «историцизма». Автор вполне убедительно доказывает, что спекулятивные слабости исторического мышления евразийцев (вера в «железные», неизменяемые человеком закономерности: органицизм, активизм, мессианизм, власть идеократии и т.п.) вполне подпадают под квалифицирующие признаки «историцизма» в попперовском понимании (некритическая экстраполяция прошлого на будущее развитие, профетизм, «объективация» развития, некритическое смешение объекта реальности и объекта науки). Между тем, выводы статьи оставляют впечатление некоторой схематичности и выборочного использования образчиков евразийской мысли в той части, которая касается попыток специфицировать политическую природу евразийского движения – то как идейного течения, в большей мере тяготеющего к фашизму и идеологам германской «консервативной революции», чем к большевизму (с. 92), то обреченного раздвоиться между политическими крайностями марксизма и фашизма (с. 96). Думается, что выборочных ссылок, подтверждающих схожесть политического стиля евразийства и фашизма (с. 93), недостаточно для столь однозначных выводов. Необходимо учитывать не только контаминирующую близость евразийства к большевизму, подчеркнутое внимание евразийцев к философии О. Шпенглера, германским консерваторам, «новым социальным движениям» Европы (итальянский фашизм и нацизм), пробуждающемуся азиатскому национализму, но и достаточно разнородный, в известной части эклектичный и до конца не проявленный характер евразийской идеологии. Не

учитывать этой незавершенности процесса «кристаллизации» евразийской доктрины – значит впасть в тот самый грех «историцизма», который критикуется автором.

Еще один важный компонент евразийского мировоззрения – «православная» политическая экономия П.Н. Савицкого – детально проанализирован в главе, написанной Мартином Байссвенгером. Исследование удачно сочетает характеристику интеллектуальной атмосферы рубежа XIX–XX вв., отмеченной стремлением вывести экономическую теорию на уровень универсальной метафизической философии, с анализом обстоятельств и влияний, которые в процессе интеллектуальных и духовных исканий привели одного из корифеев евразийства к созданию оригинальной, не лишенной внутренней логики политэкономической теории, парадоксально соединяющей экономические и религиозные идеи и претендующей на то, чтобы сформулировать для России-Евразии особый путь экономической модернизации, свободный – именно благодаря религиозно-философскому отношению к действительности – от негативных крайностей капитализма и социализма. Автор отмечает, что политэкономическая теория П.Н. Савицкого встретила неоднозначное отношение в кругу его соратников по евразийскому движению, что, по мнению автора, свидетельствует о довольно разнородном и незавершенном в доктринальном отношении характере евразийства.

Становление «евразийской» концепции истории России Г.В. Вернадского стало предметом анализа в обстоятельной, богатой историографическим материалом статье Игоря Торбакова. Отталкиваясь от не вполне ясных обстоятельств присоединения Г.В. Вернадского к евразийскому движению, автор предлагает оригинальное объяснение внутренней эволюции ведущего историка-евразийца, на которую повлияли, с одной стороны, его личная драма, связанная с преодолением фрустрации по поводу собственной «раздвоенной» (русско-украинской) идентичности, с другой – настойчивое стремление идеологов евразийства подкрепить историческими аргументами существование супраэтнического «пан-евразийского» национализма как основы сохранения бывшей Российской империи. Несмотря на убедительную версию мотивов прихода Г.В. Вернадского в лагерь евразийцев, авторский анализ все же оставляет без ответа ряд сложных вопросов, касающихся разработки евразийской концепции истории России. В частности, для полноты анализа важно было бы уяснить, как взгляды Г.В. Вернадского пересекались с творчеством других авторов-евразийцев, писавших на исторические темы (например, П.Н. Савицкого), как вновь обретенное «украинство» Г.В. Вернадского находило примирение с характерным для евразийской историософии резким размежеванием геополитических прототипов украинской и русской истории – «киевского» и «монгольского» периодов.

Харша Рам раскрывает смысл идейного переворота, совершенного евразийцами в многообразных связях евразийского мироощущения с русским литературным авангардом начала XX в., представленным фигурами

выдающегося лингвиста, теоретика формализма в литературоведении Р.О. Якобсона и поэта-футуриста, реформатора русского поэтического языка Велимира Хлебникова. Как показывает автор, переосмысление евразийцами места России по отношению к Западу и Востоку, формирование концепта Евразии как геополитического утопического проекта не только предвосхищалось развитием выдержанной в эсхатологическом ключе евразийской темы в культуре русского символизма, но и находило значимые соответствия в смелых экспериментах в области теории и поэтики языка, которые воплощало творчество Р.О. Якобсона и В. Хлебникова.

Хама Юкико обращается к сравнительно-историческому исследованию евразийства и японских версий «пан-азиатизма» как типологически и генетически сходных идейных течений, выводя таким образом тему евразийства на уровень широких глобальных сопоставлений. Тем самым автор предлагает очень перспективную модель дальнейшей разработки евразийской темы в компаративном ключе – в сопоставлении с другими «пан-идеологиями» межвоенной эпохи. Наиболее впечатляющей и интересной видится та часть работы, где автор анализирует особенности восприятия евразийства в Японии и обратную реакцию идеологов евразийства на этот проявленный интерес. Метаморфозы, которые евразийские идеи претерпевали на этом пути, показывают, что, несмотря на универсалистские притязания, и в евразийстве, и в японском «пан-азиатизме» отчетливо различим националистически-ориентированный дискурс. Тем самым автору удается выявить идейную «многослойность», присущую таким интеллектуальным конструктам, как «пан-идеологии». Значение этих тонких наблюдений, однако, несколько снижается на фоне схематичных сравнений, призванных выявить черты сходства и различия между евразийством и японским «пан-азиатизмом» – особенно, когда автор пытается экстраполировать их на будущее в виде пугающей перспективы соединения идейного евразийства с мощью государства (как это было в Японии 1930-х гг.) (с. 164), явно преувеличивая масштаб «ренессанса» евразийства и глубину его влияния на политические элиты ряда современных государств.

Завершающая цикл глава Марка Бассина – единственная, посвященная исследованию культурно-идеологического контекста, в котором происходило формирование современного российского нео-евразийства. В центре внимания автора – критический период кризиса и распада СССР (1980-е – начало 1990-х гг.), отмеченный напряженными, хотя во многом еще подспудными, поисками новой идентичности России, а внутри периода – историческая концепция Л.Н. Гумилева, сфокусированная на интерпретации определяющего для исторического самосознания России события – Куликовской битвы 1380 г. Превосходно выстроенная композиция исследования позволила автору совместить в этом фокусе анализ сразу нескольких, тесно взаимодействующих и непрерывно полемизирующих дискурсов – классического евразийства, эпигонского нео-евразийства в версии Л.Н. Гумилева, возрождающегося русского национализма.

Сложные трансформации, которые претерпела евразийская историософия в столкновении с новыми проблемами и идейными вызовами, как убедительно показывает автор, привела к ее неизбежной фрагментации, а кое в чем и к упрощению. К сожалению, за пределами анализа (что, впрочем, специально оговаривается автором) остался современный период, в рамках которого не только в зарубежном, но и российском профессиональном сообществе успело сформироваться вполне критическое отношение и к историографическим достижениям классического евразийства, и к идеям Л.Н. Гумилева.

В лаконичном послесловии Марлен Ларюэль эта идея подхватывается и развивается в попытке определить значение евразийского наследия для современной России. Диагностируя судьбу евразийства в постсоветских условиях, автор совершенно справедливо констатирует парадоксальную ситуацию, которая выражается не только в сосуществовании весьма произвольных версий нео-евразийства, апеллирующих (зачастую только условно) к евразийскому наследию в угоду разным политическим целям и проектам, но и в популярности идеи Евразии без евразийства как такового (в том числе без ярко выраженного «восточничества»). По большей части, Евразия и евразийство стремительно превращаются лишь в географическую деноминацию процессов, происходящих на постсоветском пространстве. Как подчеркивает автор, евразийство оказалось слишком рафинированным интеллектуальным продуктом для того набора простых идей и мотивов, которыми склонна руководствоваться современная российская политика (сохранение имперского пространства, геополитическое самоопределение по отношению к Европе в качестве особой цивилизации, соображения безопасности и сохранение собственной сферы влияния).

Этот парадокс, однако, не только не «закрывает» принципиально евразийскую тему, необходимость ее дальнейшей разработки, но и провоцирует новые вопросы относительно того, чем являлось евразийство в истории России. Как показали авторы данного коллективного труда, евразийство достойно изучения как один из смыслообразующих компонентов интеллектуальной и политической истории России XX столетия, как сложное и неоднозначное наследие, которое формировалось не только в полемическом обособлении от Европы, но и в активном культурном взаимодействии с ней.

Konstantin Zubkov

*Institut d'histoire et d'archéologie, Oural,
Académie des sciences de Russie*